

Екатерина Брешко-Брешковская

**Три анархиста: П. А.
Кропоткин, Мост и Луиза
Мишель**

Екатерина Брешко-Брешковская

**Три анархиста: П. А. Кропоткин,
Мост и Луиза Мишель**

«Public Domain»

1921

Брешко-Брешковская Е. К.

Три анархиста: П. А. Кропоткин, Мост и Луиза Мишель / Е. К. Брешко-Брешковская — «Public Domain», 1921

ISBN 978-5-457-72357-3

«Задолго до осуществлений той или другой идеи, несущей в себе радикальные социальные изменения, задолго до ее воплощения в жизни, сперва смутно, потом все яснее формируется она в умах отдельных личностей и наконец выходит в свет в виде готовой теории. Но и готовая теория, как бы она ни была хороша и стройна, долго остается в одиночестве и рассматривается человечеством как интересная игра ума, не имеющая в будущем практического применения. Тем не менее каждая новая теория, если только она носит в себе зерно той правды, к которой волей-неволей тяготеет человечество, как бы далеко вперед она ни забегала, оставляет свой след в умах и вызывает их на создание теорий более приемлемого характера для данной эпохи...» В сокращении.

ISBN 978-5-457-72357-3

© Брешко-Брешковская Е. К., 1921

© Public Domain, 1921

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Екатерина Брешко-Брешковская

Три анархиста: П. А. Кропоткин, Мост и Луиза Мишель (Воспоминания)

I

Задолго до осуществлений той или другой идеи, несущей в себе радикальные социальные изменения, задолго до ее воплощения в жизни, сперва смутно, потом все яснее формируется она в умах отдельных личностей и наконец выходит в свет в виде готовой теории.

Но и готовая теория, как бы она ни была хороша и стройна, долго остается в одиночестве и рассматривается человечеством как интересная игра ума, не имеющая в будущем практического применения.

Тем не менее каждая новая теория, если только она носит в себе зерно той правды, к которой волей-неволей тяготеет человечество, как бы далеко вперед она ни забежала, оставляет свой след в умах и вызывает их на создание теорий более приемлемого характера для данной эпохи.

Разве христианство не вызвало множества попыток провести это учение в жизнь, хотя бы и в менее совершенной форме? Что же касается «мирских» учений, не претендующих на божественное происхождение, – то среди них, быть может, ни одно не требует для воплощения своего такого нравственного, духовного совершенства, как учение анархистов. Оно и считается утопическим потому, что представляет себе человека уже готовым к жизни, управляемой *только* законами разума и совести, каждого члена общества.

Анархизм отрицает не только государство, но и законодательство. Он утверждает, что *уже* настало время расстаться с этими двумя «предрассудками», что люди уже не нуждаются в них и держатся они практически лишь в силу злой воли тех, кто извлекает из них личную для себя пользу, ограничивая волю большинства и подчиняя ее выгодным для себя условиям.

Эта, столь заманчивая по значению своему, теория остается тем не менее при самом небольшом числе последователей, среди которых большинство берет во внимание лишь те стороны анархического учения, в которых усматривает поощрение своему своеволию, отнюдь не способствующему водворению той общественной гармонии, какую имеет в виду само учение. Сами же учителя, сами творцы теории верят так сильно в возможность общежития, свободного от созданных людьми ограничений и условностей, что, не могут мириться ни с какими другими, промежуточными, подготовительными перспективами общежития. Они со снисходительным сожалением смотрят на тех, кто, при всей добросовестности своей, не могут согласиться с тем, что людские общества уже достаточно подготовлены к взаимоотношениям, полным взаимопонимания, уступчивости и благожелательства.

Кротко, любовно смотрят они на сомневающегося, всеми силами стараются передать ему полноту своей веры в учение, уже давно принявшее для них вид аксиомы, и огорченно удивляются тому, что честные и преданные люди, готовые на все самопожертвования, не могут проникнуться столь ясной, столь спасительной идеей.

Такое «непонимание» их святого святых, такое одиночество духовное является самой тяжелой драмой в жизни анархистов-идеалистов, живущих в воображении своем в условиях, созданных их теорией.

Но откуда же такая, можно сказать, наивность, откуда такое нераспознавание действительности, как будто ее игнорирование, умышленное от нее отчуждение?

Ведь теоретиками анархизма являются часто люди большой эрудиции, ученые мировой известности. Таковы были братья Реклю, таков был наш Кропоткин, не говоря о их предшественнике Прудоне.

Присматриваясь поближе к типам знакомых мне вождей анархизма, я нахожу, что <...> они переносили *свое* внутреннее самочувствие на весь остальной мир. Это были натуры исключительной чистоты, исключительной любви к человеку, жаждавшие видеть его счастливым. Приняв свою мечту, свое душевное состояние за мерило духовных способностей человека вообще, они щедрой рукой награждали его всеми свойствами собственной души и уже не придавали достаточного значения изучению его психики. Свои главные построения они созидали для общества людей тождественной с ними психологии. Одни поступали так потому, что слишком вдавались в свои труды и мало занимались интересами повседневной жизни толпы, другие потому, что жили в мире воображения своего, но были и такие, которых невыносимо горькая судьба заставила направить все честные силы свои на непримиримую вражду ко всему, что заслоняет солнце правды с корыстной целью оставлять во тьме все, кроме себя. Как раз три таких типа довелось мне узнать уже в зрелом возрасте, после долгих лет испытаний и всестороннего изучения натуры человека в разных его званиях и положениях.

II

Мне было уже шестьдесят лет, когда я в первый раз попала за границу, в 1903 году, в мае. Пробыла я вне России ровно два года и впервые в жизни своей узнала лично или ближе ознакомилась со многими, кто в Самом начале семидесятых годов уже выступал в рядах боевой армии революционеров, как в России, так и за границей.

Были среди эмигрантов и однокашники мои по процессу и тюрьмам, были и такие, с которыми приходилось знакомиться совсем заново. Прошло четверть века, многое могло измениться. Но, к радости своей, я нашла, что наши семидесятники жили дружно между собою и что даже разница теорий, которые они исповедовали, ничуть не мешала им сохранять ту душевную близость и взаимное понимание, какие живут в чистых, искренних сердцах, бьющихся не для себя, а для избранного дела.

Сразу чувствовалась родная среда и простор в работе. Еще бы! Там были Леонид Эммануилович Шишко, Егор Егорович Лазарев (в Швейцарии), приехал из Лондона Николай Васильевич Чайковский. А сколько подросших, молодых, усвоивших заветы народничества, «Народной воли», видевших своего духовного вождя в болевшем душой за, Россию Николае Константиновиче Михайловском! Богатая опытом своих предшественников, сильная духом, расцветающая красотой окружавшей и пополнявшей ее молодежи – партия социалистов-революционеров и за границей работала вовсю, доставляя в Россию и обильный литературный материал в крестьянские и рабочие организации и отсылая туда подготовленных научно пропагандистов и специалистов по печатному делу и лиц, требовавших для себя боевой деятельности.

И старые, и молодые были одинаково охвачены жаждой скорейшего освобождения России от старого бесчеловечного и грязного режима, и все, что могло помочь успеху в борьбе с ним, и все, кто словом или значением своим мог оказать поддержку задач революционеров в их схватке с сильнейшим врагом, – высматривалось тщательно, встречалось трепетно, ценилось как высшее благо. Хватались за каждую написанную книгу, искали сотрудничества ученых сил, талантливых писателей.

Понятно, что партия эсеров с восторгом и с огорчением любовалась писательством Петра Алексеевича Кропоткина, признавая всю силу его и сознавая всю невозможность воспользоваться им.

Он анархист. Зачем он анархист? Такой же народник, как мы, эсеры, такой же революционер, как мы, и анархист!

А известный кружок молодежи, еще до моего приезда, издал на свой счет «Записки революционера» на русском языке и контрабандно пересылал их в Россию, где действительно они производили сильное впечатление – во всех слоях общества.

Петра горячо любили его старые товарищи, и они торопились послать меня в Лондон, чтобы повидаться с ним и другими тамошними русскими эмигрантами.

Им дали знать, что я еду, и они меня встретили и приютили у себя как родную. Радость увидеть старого товарища усиливалась еще тем, что я, отбывши свои долгие сроки в Сибири, уже успела поработать в России семь лет нелегально, изучив движение революционного роста в двадцати девяти губерниях, и могла сообщить много интересного тем, кто уже десятки лет, как Кропоткин, жили за границей.

И он был, видимо, доволен.

Но он также хотел делиться и своими заботами и скорбями, тем осадком недовольства, какой оставался у него на сердце от соприкосновений с партией социалистов-революционеров. Он, видимо, интересовался ее образованием и ее деятельностью, как ближайшей ему по духу, по его отношению к работе среди русского народа; несмотря на то, что в его размахе

анархической перестройки программа ближайших достижений партии социалистов-революционеров являлась совсем ничтожной.

– Вы хлопчете только о том, чтобы земельки прибавили, и то, как вас преследуют, а ведь мы идем против всего, что стоит на дороге к полному освобождению человека от старых пут. К нам беспощадно относятся, нас не только боятся, нас ненавидят.

И Петр Алексеевич стал рассказывать, каким пыткам подвергали анархистов в Испании, при, недавних процессах, по случаю нескольких террористических покушений.

– А какие прекрасные молодые люди, как держали себя непреклонно... Ну, вот, скажи, разве добросовестно было со стороны вашей партии причислить себе в заслугу благороднейший, поступок юноши Балмашева? Молодой человек отдал себя в жертву всего, по собственному желанию идет и совершает геройский поступок, а посторонние люди берут этот поступок под свое знамя... Ведь этим вы умаляете значение личности.

Зачем это ему понадобилось? Ведь сам же он совершил покушение.

Надо было объяснить, с какими трудностями сопряжен каждый террористический акт при правительстве, уже напуганном подобными выступлениями революционеров, и что без участия, сил партии нет возможности достигнуть намеченной цели, – «партийная организация вгоняет в рамки чувства и действия людей, самую мысль их»...

– Ты знаешь, что сделала ваша молодежь с моей автобиографией? Она издала ее, правда, с моего разрешения, перевозила в Россию, там раскупали ее по высокой цене, давали по 25 рублей за книжку, а мне хоть бы один экземпляр прислали. Хорошо это?

– Очень даже нехорошо! – ответила я.

Но в извинение такого грубого поступка старалась уяснить ему, с какой горячностью, с какой самоотверженностью работала русская молодежь над революционным делом, над социалистической пропагандой. Увлекаясь этой деятельностью, она забывала свои личные интересы, она и чужие приспособляла к своей цели... Конечно, все это хорошо при условиях *сохранения* этических начал, положенных в основу учения и деятельности партии.

– Организация давит волю личности, это пути, связывающие все наши высшие способности...

– В каких же формах ты представляешь себе общежитие людей? Возьми хоть Россию!

– Русский народ меньше других нуждается в государственности. Он по природе своей анархист. Ни в правительстве, ни в какой бюрократии он не нуждается. Жизнь небольшими общинами – его вполне удовлетворяет.

– Ну, а как же поступать в вопросах, всем этим общинам одинаково необходимых: обороны от нападений врагов, сообщений по воде и по земле и множество других; каждая община может решать по-разному...

– А кто им мешает сговариваться, соглашаться, приглашать ученых для обсуждения вопросов? Общины соединяются в своих решениях в более крупные единицы, те идут дальше; приходят, наконец, к общему соглашению добровольно, без всякого принуждения.

– Это в будущем, вероятно, – а что же делать теперь?

Я пристально глядела в глаза Петра Алексеевича.

Он точно не ожидал такого оборота и как будто растерялся.

– Что ж, народ уже шевелится... стачки все чаще, даже крестьянские беспорядки, не надо только стесняться партийными, организациями. Зачем руководство, народ сам знает, что ему надо.

– Выходит, как будто интеллигенции там нет места?

– И интеллигенция должна быть там, – но каждый действует сам по себе и за себя отвечает.

Я плохо понимала. С одной стороны, безусловная вера в природу человека, в его способность черпать из себя непосредственно все лучшие импульсы разума и совести и посту-

пять всегда справедливо при полном отсутствии ограничения его воли, с другой – как будто панический страх перед организацией тех же людей в ту или иную группу, принявшую на себя обязательства подчиниться заранее определенным требованиям. Если предположить, что соблазн властью, или другим каким преимуществом, носит в себе неотразимую силу по отношению к природе даже идейного человека, то трудновато рассчитывать на массовое совершенство людей.

И было грустно встретить такое противоречие в столь цельной душе.

Но в дальнейшей беседе нашей я нашла некоторое объяснение такому двойственному отношению к людской психике.

Началось с того, что я, видя, как ему трудно жевать пищу за обедом, как сильно он шепелявит при разговоре, спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.